

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПРОЗОРОВСКІЙ.

(По его запискамъ и бумагамъ.)

(Окончаніе.) (*)

VII.

Послѣдняя болѣзнь совершенно разстроила здоровье князя Прозоровскаго. Для поправленія его, князь Александръ Александровичъ рѣшился просить объ увольненіи въ отпускъ за границу, къ минеральнымъ водамъ, куда и былъ уволенъ въ 1777 году, на два года.

По возвращеніи изъ отпуска, Прозоровскій былъ командированъ въ украинскую дивизію, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, съ назначеніемъ курскимъ и орловскимъ генералъ-губернаторомъ.

Послѣднее назначеніе было противно желанію князя Александра Александровича. Онъ согласился принять эту должность только по совѣту Петра Васильевича Заводовскаго, а еще болѣе потому, что не имѣя подъ командою никакой части войскъ, не былъ, какъ самъ говорилъ, „употребляемъ по службѣ армейской“.

Впрочемъ, князь Александръ Александровичъ согласился принять званіе генералъ-губернатора при томъ условіи, что его

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1868 г., №№ 7, 8 и 9.

оставять въ спискахъ арміи, какъ это было сдѣлано и для прочихъ лицъ, занимавшихъ подобныя должности. Спустя два года, въ 1782 году, онъ былъ однако же произведенъ въ полные генералы, „съ выключкою изъ штатнаго армейскаго списка“, назначенъ сенаторомъ и оставленъ по прежнему курскимъ и орловскимъ генераль-губернаторомъ. Такая нечаянная перемѣна служебной карьеры была крайне неприятна и весьма опечалила князя Александра Александровича. Онъ просилъ императрицу зачислить его по прежнему въ армію. Въ отвѣтъ на просьбу, по повелѣнію императрицы Екатерины, графъ Безбородко увѣдомилъ, что князь Прозоровскій долженъ считать производство въ полные генералы за особое благоволеніе къ себѣ императрицы и въ особенности тогда, когда этого чина была только одна вакансія, которая по всей справедливости и старшинству должна была принадлежать Глѣбову.

Получивъ такое сообщеніе и неимѣя никакого призванія служить внѣ рядовъ арміи, Прозоровскій хотѣлъ тотчасъ же просить объ увольненіи въ отставку, но, по совѣтамъ друзей, рѣшился отложить свое намѣреніе еще на годъ.

Въ 1784 году онъ былъ уволенъ въ отставку, съ производствомъ пенсіи равной полному окладу жалованья, получаемаго имъ на службѣ.

„Получа оную высочайшую милость—писалъ князь Александръ Александровичъ графу Румянцеву—принялъ я образъ сельской жизни и къ ней привыкъ. Занимаясь единымъ хозяйствомъ, не искалъ ничего.....

„Меньше, чѣмъ когда-либо я о себѣ воображалъ, какъ явился ко мнѣ курьеръ (въ 1790 году) съ именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ, коимъ повѣдено мнѣ быть главнокомандующимъ здѣсь (въ Москвѣ). Истинно ночь отъ сего не спалъ, и желанья не было, но преслушать указъ Ея Величества не смѣлъ, зная, что за неисполненіе онаго положено, да и двѣ войны въ то время теченіе свое имѣли.“

Прозоровскій отправился по назначенію, съ полною рѣшимостію просить при первомъ удобномъ случаѣ объ увольненіи отъ званія главнокомандующаго. Тѣмъ не менѣе, несмотря на неоднократныя его просьбы, онъ долженъ былъ оставаться въ Москвѣ до 1795 года. Обращаясь нѣсколько разъ съ просьбою объ увольненіи къ самой императрицѣ и приближеннымъ ей лицамъ, и не получая отъ нихъ никакого отвѣта или получая

одни только обѣщанія, Прозоровскій рѣшился наконецъ обратиться къ бывшему своему начальнику графу Румянцеву-Задунайскому.

Политическія обстоятельства тому способствовали.

Въ концѣ 1793 г. въ Польшѣ происходили волненія. Слухъ о скоромъ сокращеніи польской арміи еще болѣе раздражалъ поляковъ. Уменьшеніе войска вело, по ихъ мнѣнію, къ уничтоженію послѣднихъ средствъ возстановить распавшуюся отчизну, на возможность самостоятельнаго существованія которой они не теряли еще надежды.

Въ Варшавѣ образовалось тайное общество, организовавшее возстаніе, во главѣ котораго стояли Дзальнскій и Капостасъ. Для большаго успѣха заговорщики пригласили къ участию въ этомъ дѣлѣ Косцюшку и выбрали его начальникомъ возстанія. Въ октябрѣ 1793 года были отправлены посланные съ цѣлю привезти Косцюшку въ Варшаву. Послѣдній находился въ то время въ Италіи.

Въ январѣ 1794 года, посланные возвратились съ объявленіемъ, что Косцюшко проѣхалъ изъ Рима въ Дрезденъ и приказалъ сказать, что нѣтъ надежды на иноземную помощь и потому необходимо отложить возстаніе до будущей весны.

Между тѣмъ декретъ объ уменьшеніи арміи состоялся въ концѣ февраля или въ началѣ марта. Поляки опять взволновались и хотѣли поднять возстаніе немедленно. На конференціяхъ и совѣщаніяхъ, бывшихъ по этому поводу, рѣшался вопросъ: начать ли возстаніе черезъ два дня или нѣтъ? Совѣщаніе было шумное и потому не могло быть сохранено въ тайнѣ; на другой день оно стало всѣмъ извѣстнымъ и многіе изъ поляковъ были арестованы.

Генераль Игельстромъ, бывшій нашимъ полномочнымъ министромъ въ Варшавѣ, просилъ объ увеличеніи русскихъ войскъ. Императрица Екатерина отказала, находя совершенно достаточнымъ тѣхъ 10,000 человекъ, которые были расположены въ окрестностяхъ Варшавы.

Въ столицѣ Польши волненія съ каждымъ днемъ усиливались. Съ одной стороны совѣщанія заговорщиковъ учащались, а съ другой дѣлались распоряженія объ уменьшеніи польской арміи непремѣнно къ 15-му марта.

Косцюшко, получивъ свѣдѣнія о произведенныхъ арестахъ и зная, что жители Варшавы черезъ два или три дня возьмутъ

ся за оружіе, прїѣхалъ изъ Дрездена въ Краковъ, и 13-го (24-го) марта провозгласилъ возстаніе.

Выступивъ изъ Кракова съ войсками, Косцюшко, 24-го марта (4-го апрѣля), онъ встрѣтилъ у деревни Радавицы отрядъ Торماسова и оттѣснилъ его. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по Варшавѣ, гдѣ было все уже приготовлено къ возстанію.

На углахъ улицъ появились объявленія, призывавшія народъ къ соединенію съ Косцюшкою; въ арсеналахъ день и ночь производилась работа: тамъ отливали пули и готовили все необходимое для артилеріи. Игельstromу совѣтовали взять арсеналъ, но онъ не согласился, боясь тѣмъ нарушить союзный трактатъ съ польскою республикою.

— „Возстаніе начинается не республика, говорилъ онъ, а только нѣкоторыя лица“.

Нерѣшительность и церемонность его повели къ тому, что ночью, на 6-е апрѣля, ничего не ожидавшія русскія войска были атакованы поляками; многіе были перерѣзаны и самъ Игельstromъ едва съ большими затрудненіями могъ оставить столицу Польши.

Въ Варшавѣ русскихъ войскъ больше не было. Тамъ образовалось революціонное правительство, которое признало верховнымъ своимъ правителемъ генералиссимуса Косцюшку (*).

По первымъ извѣстіямъ, полученнымъ въ Петербургѣ о происшествіяхъ въ Варшавѣ, императрица отправила въ Польшу новые отряды войскъ, а общее командованіе надъ ними поручила графу Румянцеву-Задунайскому.

Къ его-то защитѣ и обратился теперь князь Прозоровскій.

„Имѣя отъ вѣрныхъ рукъ свѣдѣніе — писалъ князь Александръ Александровичъ графу Румянцеву — что отъ ея императорскаго величества вашему сіятельству поручены арміи, возрадовался какъ истинный патріотъ. Я, сіятельный графъ, не льстецъ, но настоящее положеніе войскъ необходимо сего требуетъ.“

„Примите и меня въ ваше покровительство. Я откровенно осмѣлюсь съ вами говорить, зная, что сіе останется только въ свѣдѣніи вашемъ.“

„Служба и поведеніе мое вашему сіятельству извѣстны, равно и случившееся изгнаніе меня изъ военной службы перечнемъ“

(*) Соловьевъ, „Исторія паденія Польши“ 319—350.

тоже вамъ свѣдомо, но нужнымъ нахожу послѣдніе анекдоты моей жизни вамъ довести“.

Онъ просилъ фельдмаршала вызвать его къ себѣ въ армію и чистосердечно описывалъ причины, заставляющія его оставить главное начальство въ Москвѣ.

Князь Александръ Александровичъ говорилъ, что принялъ послѣднее назначеніе только потому, что считалъ себя не вправѣ отказать служить своему государству, ведущему войну одновременно съ двумя европейскими державами, и что „на то время другаго генерала не случилось“.

„Писалъ однакожь къ ея величеству—продолжаетъ Прозоровскій въ своемъ письмѣ графу Руманцеву—о всѣхъ моихъ къ сему посту недостаткахъ, и заключилъ тѣмъ: если уже я долженъ быть здѣсь, чтобъ отдать мнѣ прежнее старшинство и мѣсто въ штатномъ армейскомъ спискѣ, основывая оное мое прошеніе, что я отъ военной службы никогда увольненія не просилъ, а воля ея величества была исключить меня изъ оной. Получилъ всемплосивѣйшее своеручное писанье, что ея величество высочайшимъ указомъ предупредила мое желаніе, и велѣно меня помѣстить въ армію, но между тѣмъ получаю жалованье отъ штатнаго казначейства, а мое получаетъ сверхкомплектной.

„Въ первый разъ явившись къ высочайшему двору, просилъ я графа Николая Ивановича Салтыкова, какъ до сорока лѣтъ знаемаго мною, дабы онъ при случаѣ испросилъ у ея величества освобожденья меня отъ сего мѣста, яко несоотвѣтствующаго ни моему желанію, ниже возможности мнѣ прожить, какъ я имѣю имѣю только послѣ отца небольшое, женино и принужденъ еще былъ въ общемъ владѣніи прикупить, отъ чего и отъ заведенія екатеринославскихъ деревень одолжалъ.

„Здѣсь же все первѣйшее общество дворянъ. Я долженъ въ отсутствіи двора дѣлать почести и привѣтство, имѣя къ тому двухъ дочерей, а даваемая тысяча на мѣсяць столовыхъ, противъ прежнихъ временъ, сравненіе дѣлаетъ съ 300 рублями. Итакъ, долженъ я совершенно раззорять себя. Если жъ ея величеству угодно мое служенье, чтобъ опредѣлить меня въ армію.

„Графъ Николай Ивановичъ, по оказываемой мнѣ всегда дружбѣ, обѣщалъ о семъ по возможности стараться.

„Второй мой прїѣздъ случился въ самое то время, какъ о смерти князя Потемкина получено извѣстіе. Не пропустилъ я и сей разъ усиленно просить графа Николая Ивановича, который мнѣ увѣрительнѣе еще общалъ.

„Вижу наконецъ, что командируютъ моложе меня, Каховскаго, Кречетникова, Игельстрома; поѣхалъ въ третій разъ напоминая графу Николаю Ивановичу о прежней просьбѣ моей и о его обѣщаніи, съ доказательствомъ мнѣ обиднаго въ разсужденіи моего старшинства, и прочее, что къ тому было прилично. Тутъ сказано мнѣ было просить графа Платона Александровича Зубова, съ которымъ я имѣлъ честь сдѣлать знакомство посредствомъ же графа Николая Ивановича. Въ тѣхъ же словахъ я его сіятельство графа Платона Александровича просилъ доложить ея величеству и получилъ милостивый отзывъ: какъ всѣ посты въ арміи заняты, то я бѣ взялъ терпѣніе, а первый постъ получу. Послѣ того Кречетниковъ скончался, совѣтъ назначилъ меня и Гудовича, а командированъ князь Долгорукій; сей занемогъ, то уже командированіе началось по старшинству. Я между тѣмъ разстроилъ мое здоровье, а кармавъ еще болѣе. Не видя уже способа отъ сего убивающаго меня посту отойти, всеподданнѣе просилъ ея величество на два года увольненія, съ жалованьемъ, въ отпускъ. Прошеніе мое препроводилъ чрезъ графа Платона Александровича; не получа ни малѣйшаго отвѣта, повторилъ о томъ же прошеніи мое къ графу Платону Александровичу, но въ отвѣтъ ничего не получилъ. Осмѣлился (тогда) вторично просить ея императорское величество и опять о помощи графа Платона Александровича.

„Всѣ оныя (прошенія) подаются моимъ флигель-адъютантомъ, который для сего живетъ въ Петербургѣ съ декабря мѣсяца, и на оное, также какъ и на прочія, не имѣлъ ни малѣйшаго отвѣта. Подъ рукой только сказываютъ мнѣ, что ея величество и согласна снизойти на просьбу мою, но не найдутъ кого на мое мѣсто опредѣлить и никого нѣтъ желающихъ. Судите сіятельнѣйшій графъ! можетъ ли что быть обиднѣе, какъ быть подставкой? А наконецъ друзья меня увѣряютъ, что меня ни въ армію не опредѣлятъ, ни въ отпускъ не отпустятъ.

„Итакъ остались, милостивый государь, два посредства отсюда себя избавить. Первое—милость вашего сіятельства, чтобъ вы меня потребовали въ команду вашу, а куда разсудите

опредѣлить, я всѣмъ буду доволенъ. Если же я столь несчастливъ, что и ваша милость и покровительство не избавятъ меня отсюда, то какъ скоро удостоите меня вашимъ отвѣтомъ, то пошлю прямо къ ея величеству прошеніе уволить меня опять отъ службы.

„Непріятно, то входитъ въ службу, то выходитъ изъ оной; да что жъ, сіятельнѣйшій графъ, дѣлать, когда можетъ я и несчастливъ въ нѣкоторыхъ министрахъ, если то такъ, за что истинно не знаю. Бывъ нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ, взять сюда, то не имѣлъ я, кажется, способовъ и возможности кому-либо досадить.

„Итакъ вся моя надежда остается на васъ, сіятельный графъ! Будьте вы мнѣ въ свѣтѣ одинъ благодѣтель, если къ сему находите меня достойнымъ. Вы сею милостію обяжете не только меня, но и все мое семейство.

„Увѣренъ въ добродѣтельномъ вашемъ сердцѣ, для чего осмѣлюся себя ласкать надеждою, что вы не откажете принять меня въ покровительство и милость вашу“.

Румянцевъ просилъ императрицу за своего бывшего сослуживца и подчиненнаго.

Въ 1795 году князь Прозоровскій получилъ рескриптъ Екатерины, 12,000 рублей постоянной прибавки къ жалованью, орденъ св. Владиміра 1-й степени и назначеніе шефомъ Московскаго гренадерскаго полка (*), вмѣстѣ съ увольненіемъ отъ званія главнокомандующаго въ Москвѣ.

Обрадованный такимъ назначеніемъ, князь Александръ Александровичъ благодарилъ графа Румянцева и торопился отправиться къ своему полку, находившемуся въ составѣ арміи подъ начальствомъ фельдмаршала.

„Я беру—писалъ ему въ отвѣтъ Задунайскій (**)—искреннее участіе во всемъ томъ, что удовлетворяетъ ваши желанія, и въ томъ состоятъ и всѣ мои расположенія. Я радуюсь отъ всего моего сердца, что имѣю счастье съ вами служить. Мои старанія и мои труды суть относительно сему же расположенію, и я васъ могу увѣрить, мой милостивый благодѣтель, что я ихъ употребляю всѣхъ на то, чтобы увеществовать чувства безконечной благодарности, коюю я вамъ за всѣ ваши милости

(*) Письмо графа Николая Ивановича Салтыкова князю Прозоровскому 13-го апрѣля 1795 г., № 567.

(**) Собственнооручно 22-го апрѣля 1795 года.

долженъ, и то вышнее и искреннее почтеніе, съ коимъ я вамъ приверженъ сердцемъ и душою навсегда“.

Назначенный начальникомъ первой дивизіи, князь Прозоровскій расположился съ своимъ штабомъ въ Медзибожѣ, гдѣ была главная квартира, такъ какъ самъ фельдмаршалъ жилъ въ Малоросіи, въ своей деревнѣ.

Вся первая дивизія была раздѣлена на три отряда. Въ Медзибожѣ стоялъ генераль-поручикъ Апраксинъ, составляя центръ и имѣя въ своей командѣ восемь полковъ, расположенныхъ въ окрестности этого города. На правомъ флангѣ стоялъ отрядъ изъ пяти полковъ, генераль-маіора графа Разумовскаго, имѣя главную квартиру въ Дубно; лѣвый флангъ составлялъ отрядъ генераль-маіора Шереметева, изъ трехъ полковъ, расположенныхъ въ Полонномъ, Чудновѣ, Житомирѣ и Бердичевѣ.

Вторая дивизія, подъ начальствомъ князя Григорія Семеновича Волконскаго, была расположена въ Тирасполѣ, Одессѣ, Никополѣ, Кинбурнѣ, Херсонѣ и Очаковѣ (*).

Хотя съ Турціею еще недавно былъ заключенъ миръ, но нерасположеніе къ намъ Порты было очевидно. Подстрекаемая Франціею, Порта дѣлала военныя приготовленія. Турки отправляли въ Хотинъ свои войска. Съ 24-го іюля и по октябрь мѣсяць прибыло туда до 700 человекъ, изъ которыхъ двѣ трети были конныя. Войска эти были въ крайнемъ положеніи. Оборванныя, голодныя, они были наполнены не малымъ числомъ „ребятишекъ“, изъ коихъ многимъ не было и 16 лѣтъ.

Несмотря на затруднительность своего положенія, Порта старалась усилить гарнизонъ Хотина и укрѣпляла самый городъ.

Измаилъ также укрѣплялся; на нѣкоторыхъ бастіонахъ ставились орудія и присылалась артилерійская прислуга. Крѣпости Килія и Акерманъ приводились „въ совершенно оборонительное состояніе, но безъ всякаго войска“. Французскій консулъ объѣзжалъ всѣ укрѣпленія и крѣпости, назначалъ и указывалъ мѣста, требовавшія исправленія. Въ Галацѣ строились суда.

Судя по дѣятельности, которая всюду происходила въ областяхъ турецкихъ, можно было заключить, что Порта готовится къ войнѣ и ожидаетъ перваго нападенія съ нашей стороны. Часть турецкихъ войскъ выступила уже въ концѣ января изъ Константинополя, по направленію къ Адрианополю, а Юсуфъ-

(*) Отношеніе графа Румянцова князю Прозоровскому 21-го августа 1795 г., № 189.

паша отдѣленъ былъ для дѣйствія на границахъ Грузіи. Народъ говорилъ открыто о военныхъ приготовленияхъ, но министры отзывались, что сперва нужно успокоить внутреннихъ бунтовщиковъ и привести ихъ въ предѣлы должнаго повиновенія, а потомъ располагать уже способами, которые въ случаѣ войны предпринять будетъ можно.

Порта требовала фирманомъ отъ молдавскаго и валахскаго господарей, чтобы они дозволили прибывшимъ турецкимъ купцамъ купить въ Молдавіи отъ пяти до шести сотъ лошадей, а въ Валахіи до 1,200 лошадей.

Молдавскому господарю сообщено повелѣніе, что диванъ освобождаетъ Молдавію отъ поставки хлѣба въ магазины, а требуетъ, въ случаѣ изобилія, присылки его въ Константинополь. По приказанію Порты, господарь отправилъ въ Измаилъ 45,000 піастровъ, для раздачи жалованья тамошнимъ янычарамъ (*). Оба господара, какъ молдавскій, такъ и валахскій, отправляли безпрестанно людей и провіантъ въ пограничныя крѣпости. Въ Силистріи и въ Руцукъ заготовлялось большое количество сухарей, и сами господари отсылали закупленныхъ ими во множествѣ лошадей въ Силистрію и Адрианополь.

Въ Яссы прибылъ Гассанъ-ага акерманскій, надзиратель крѣпостныхъ строеній, и по окончаніи осмотра укрѣпленій отправился черезъ Букарестъ въ Константинополь. Господарь принялъ его, въ Яссахъ, весьма ласково и одарилъ подарками.

Бунтовавшій противъ Порты и не слушавшій ея повелѣній Пасванъ-оглу получилъ прощеніе и обѣщалъ за то слѣпо исполнять повелѣнія турецкаго правительства. Онъ былъ пожалованъ трехъ-бунчужнымъ пашею. Господарь Валахіи Мурузи ожидалъ, но тщетно, повелѣній Порты объ удаленіи турецкихъ войскъ отъ Видина. Ихъ нельзя было тронуть, потому что въ Оттоманской имперіи происходили внутреннія волненія.

Разбойники кирджали, опустошавшіе Румелію, были разбиты сейменами филиппопольскими. Въ этой стычкѣ погибло до 300 кирджалиевъ и начальникъ ихъ спасся не болѣе какъ со ста человекъ.

Порта для прекращенія разбоевъ въ Румеліи снарядила экспедицію въ значительныхъ размѣрахъ, поручивъ привести

(*) Письмо русскаго консула въ Яссахъ Северина князю Прозоровскому 31-го января 1796 года.

ее въ исполненіе беглеръ-бею румелійскому. „Оя' отъѣзжаетъ на сихъ дняхъ въ Адрианополь — писалъ Кочубей Прозоровскому — для принятія начальства надъ войскомъ, тамъ собраться долженствующимъ. Число онаго составитъ отъ 15,000 до 16,000 человекъ; а именно: 10,700 азіятскаго, до 2,000 собственнаго беглербеева войска, и отъ 3,000 до 4,000 двухъ другихъ двухъ-бунчужныхъ пашей. Число сіе, по крайней мѣрѣ вслѣдствіе повелѣній Порты, находится должно; но легко быть можетъ, что не весь комплектъ собранъ будетъ. При корпусѣ семъ находится будетъ 10 полевыхъ орудій и 2 мортиры, кои употреблены будутъ въ случаѣ укрытія бунтовщиковъ въ замкахъ на разныхъ возвышеніяхъ находящихся“.

Экспедиція беглеръ-бея румелійскаго при началѣ шла столь удачно, что Порта заскала уже себя надеждою, что разбойники скоро совсѣмъ истреблены будутъ; какъ вдругъ получено было извѣстіе, что паша никомидійскій, окружившій большую ихъ шайку, въ укрѣпленныхъ башняхъ, на возвышеніяхъ между Гюмурджиномъ и Филипополемъ, разбитъ пришедшими къ нимъ на помощь 4,000 человекъ. Беглеръ-бей послѣ такого умноженія разбойниковъ, происшедшаго отъ распространенныхъ до крайности строгостей его, утравившихъ жителей, просилъ „чтобъ назначенное при началѣ, къ начальству его, азіятское войско и доселѣ не все еще въ Румелію собравшееся, поспѣшнѣе туда было прислано; число онаго составлять должно вало отъ 15,000 до 17,000 человекъ“.

Волнуемая внутренними беспорядками, безъ хлѣба, безъ денегъ, Турція рада была всякой поддержкѣ, всякому обнадеживанію. Порта приняла съ радостію льстивыя обѣщанія Франціи подать ей руку помощи, и при удачныхъ обстоятельствахъ возвратитъ часть владѣній, утраченныхъ въ послѣднія неудачныя войны съ Россією.

Прибывшаго въ Константинополь новаго французскаго министра Порты приняла съ особеннымъ великолѣпіемъ. Союзъ Франціи и Турціи не былъ ни для кого тайною. Султанъ подарилъ французской республикѣ два военныхъ 66-пушечныхъ корабля, на которые и были посажены французскія войска, сколько ихъ нашлось въ Константинополѣ.

14-го іюня были отправлены изъ Царяграда во Францію два большихъ линейныхъ корабля, нагруженные хлѣбомъ, съ тѣмъ чтобы обратно привезти на нихъ ружья и другіе военные

запасы. Корабли эти встрѣтились съ четырнадцатью небольшими крейсерскими судами подъ мальтійскимъ флагомъ и были взяты въ плѣнъ. Та же участь постигла и шесть другихъ кораблей, отправленныхъ турками во Францію изъ Каира. Они были захвачены англичанами въ Архипелагъ.

Зная слабость Порты и то, что она нуждается въ посторонней помощи, Наполеонъ хозяйничалъ въ Константинополѣ, какъ въ собственной странѣ.

Французскіе инженеры осматривали турецкія крѣпости. Одинъ изъ нихъ прибылъ въ Измаиль и обойдя крѣпость, приказалъ развалить стѣну со стороны рѣки Дуная потому только, что она была земляная, а не каменная. Потомъ онъ потребовалъ къ себѣ артилерійскую команду, бывшую въ крѣпости. Ему представлены были мальчики, имѣвшіе не болѣе 15 лѣтъ отъ роду. Французъ удивился (*).

— Къ чему они годны — говорилъ онъ — будучи такого возраста.

— Современемъ выростутъ, отвѣчали турки.

— Какое время — замѣтилъ французъ — когда завтра можетъ быть *думэ, думэ, думэ!* (тревога).

По Молдавіи и Валахіи развѣзжали такіе же агенты.

Валахскій господарь дѣйствовалъ единодушно съ Портою и клонился на сторону Франціи. Хотя онъ и не признавалъ официально французскимъ консуломъ, находившагося въ Букарестѣ, французскаго эмисара Годена, но втайнѣ оказывалъ ему расположение и даже надѣлялъ подарками (**).

Происшествія, случившіяся въ Варшавѣ 6-го апрѣля 1794 года, заставили многихъ заговорщиковъ искать спасенія въ отечества. Большая часть изъ нихъ отправилась въ Турцію и даже въ самый Константинополь. Тамъ они нашли защиту во французскомъ посольствѣ. Бывшій въ Букарестѣ французскій эмисаръ Годенъ, о которомъ мы только что сказали, особенно отличался своею дѣятельностію по снабженію поляковъ-эмигрантовъ фальшивыми паспортами. Подъ именемъ французскихъ подданныхъ онъ препровождалъ ихъ въ Польшу, принималъ къ себѣ бѣжавшихъ оттуда и отправлялъ ихъ въ Константинополь (***)).

(*) Донесеніе корреспондента изъ Галацъ 11-го августа 1796 года.

(**) Донесеніе консула въ Яссахъ князю Прозоровскому 11-го января 1796 г.

(***) Выписка изъ вѣдимаго письма изъ Букареста 10 (21 го) ноября 1795 г.

Для прекращенія подобныхъ переѣздовъ, съ которыми были неразлучны всякаго рода волненія въ краѣ, князь Прозоровскій поручилъ всѣмъ находившимся въ его дивизіи частнымъ начальникамъ, наблюдать за легкомысленными „здышними дворянами“, употребляя для того расторопныхъ офицеровъ „которые, сдѣлавъ связь знакомства съ здышними поссессорами, могутъ иногда замѣчать изъ разговоровъ какія-либо неполезныя расположенія ихъ мыслей, или гдѣ собранія между нѣкотораго числа дѣлаются, увѣдомляли бы, черезъ васъ, о томъ меня“ (*).

На всѣхъ мѣстахъ, гдѣ сколько-нибудь была возможна переправа черезъ Днѣстръ, были поставлены пикеты, начальникамъ которыхъ вмѣнено въ обязанность зорко слѣдить за проѣзжающими, и подозрительныхъ арестовывая отправлять въ главную квартиру.

На содержаніе агентовъ и лазутчиковъ отпущены были деньги, а самые агенты разосланы по два и по три человека во многіе города, сосѣдніе съ нашею границею. Посланные должны были сообщать: нѣтъ ли въ такомъ-то городѣ поляковъ, „кто они таковы, откуда и куда ѣдутъ, и, если можно свѣдать, по какимъ надобностямъ они въ томъ мѣстѣ или какая причина ихъ тутъ бытія“ (**).

Появившаяся въ то время брошюра „Учрежденіе центрального собранія“ обратила еще большее вниманіе на поляковъ.

Поляки Шанявскій, Гросманъ, Мазаніусъ, Влешинскій, Розъ, Шулецкій, Грабовскій и Дунгернъ, соединясь между собою, условились стравить отъ себя посланныхъ въ разныя мѣста, для учрежденія такъ называемаго *польскаго совѣта*. На первый разъ они избрали для этого Бреславль, Берлинъ, Вѣну, Венецію, Парижъ, Валахію и Турцію вообще. Прежде всего былъ учрежденъ польскій совѣтъ въ Парижѣ изъ десяти членовъ, въ числѣ коихъ были генераль Гедройцъ и Домбровскій. Последній, какъ разказывали, былъ назначенъ для начатія возмущенія въ Лейпцигѣ.

Въ Венеціи также былъ учрежденъ совѣтъ; въ Галицію и въ русскія провинціи были разосланы польскіе эмисары, подготовлявшіе революцію, которая должна была начаться съ Валахіи.

Французское правительство поддерживало надежды поляковъ,

(*) Циркулярное секретное предписаніе отъ 27го ноября за № 1, 2 и 3.

(**) Секретное предписаніе князя Прозоровскаго генераль-майору Толстому, 3-го декабря 1796 года.

обѣщало снабдить ихъ деньгами и даже, подъ рукою, предварительно занималось сочиненіемъ новаго образа правленія (*).

Въ селеніи Зозулинцахъ, принадлежавшемъ генеральшѣ Сапѣгъ, собирались поляки, подъ видомъ домашняго суда съ посесоромъ, потолковать и обсудить планъ о возстановленіи Польши. Переписка съ Варшавою, Львовомъ и вообще съ Галиціею „гдѣ, можно сказать, гнѣздилося все дышавшее враждою и своевольствомъ“ распалала еще болѣе воображеніе революціонеровъ.

Хотя проектъ о возстановленіи Польши былъ весьма распространенъ и популяренъ между поляками, но главные руководители и составители его были лица весьма безсильныя и малозначащія для того, что бы произвести что-либо серьезное. Вспомогательныя средства ихъ были слишкомъ недостаточны: они могли только напумѣть и произвести мелкія безпокойства.

На самомъ дѣлѣ дѣйствія ихъ этимъ и ограничивались.

Въ Заславѣ, на примѣръ, собралось на контракты множество поляковъ. Начавшіеся съ 5-го января 1796 года контрактные праздники были шумны и продолжались до февраля мѣсяца. На блестящихъ раутахъ, среди танцевъ, переговаривались о томъ какъ бы возстановить свою отчизну и ожидали извѣстія изъ Львова, гдѣ происходили главные совѣщанія.

„Исключая нѣмцевъ—доносилъ Петръ Беклемишевъ (**), князю Прозоровскому—все что здѣсь польскаго находится, все дышетъ французской конвенціей, ничего болѣе не желаютъ и крѣпко надежду свою къ возстановленію попрежнему себя въ успѣхахъ французскаго оружія полагаютъ, которые, не переставая дѣлать надъ австрійцами страшныя выигрыши, тѣмъ наиболѣе ихъ ободряютъ“.

Собравшіеся въ Львовѣ поляки сходились на совѣщанія въ домъ Дзедушицкаго „который имъ все время былъ и есть главный всему предводитель“.

Дзедушицкій былъ съ самаго начала революціи польскимъ корреспондентомъ и уполномоченнымъ Косцюшки. Онъ посылалъ и теперь нерѣдко въ наши предѣлы своихъ проповѣдниковъ. Его посланные поминутно ѣздили въ Хотинъ, Ясы, Варшаву Вѣну и въ другіе города, ободря жившихъ въ тѣхъ городахъ

(*) Бумаги князя Прозоровскаго. Переводъ изъ одной нѣмецкой газеты.

(**) Беклемишевъ былъ адъютантомъ князя Александра Александровича.

поляковъ, „что будетъ—де время и для нихъ къ восторжествованію надъ непріятелемъ“.

Полаки пріѣзжали и уѣзжали изъ Галиціи безъ всякаго затрудненія. Австрійское начальство или не хотѣло или боялось принять какія-либо противъ того мѣры. Во Львовѣ, говорилъ Прозоровскій, сборища у Дзедушинскаго имѣютъ видъ якобинскаго клуба.

„Всѣ здѣсь находящіеся эмигранты польскіе — сообщалъ генералъ-поручикъ Апраксинъ князю Прозоровскому (*)—и во всей Галиціи сѣзжаются и сходятся къ нему (Дзедушицкому) на совѣты почти ежедневно“.

„Долженствую съ прискорбностію признаться — сообщалъ генералъ-губернаторъ вновь присоединенныхъ областей Тутолминъ (**)—что доколѣ галиційское начальство не будетъ споспѣшествовать намъ лучшимъ надзоромъ и осторожностію, не возможно никакимъ образомъ уклониться отъ взушеній, кои сюда передаются нынѣ не чрезъ переписку уже, но черезъ изустныя сообщенія недѣпостей и химеръ, людей дающихъ волю воображенію и надеждѣ, соотвѣтственныхъ злонамѣренію польскихъ эмигрантовъ“.

„Къ послѣднимъ моимъ донесеніямъ—писалъ Беклемишевъ князю Прозоровскому (***)—имѣю присовокупить то, что, по выѣздѣ моемъ изъ Львова, оставилъ я тамъ многочисленное общество поляковъ, кои не престають имѣть сборища и подозрительные переговоры. Наиболѣе имъ служитъ прибѣжищемъ домъ Дзедушицкаго, и, сколько я могъ замѣтить, то имѣютъ они особливые виды на подполковника Креницкаго, который прежде находился въ ихъ войскахъ и, во время минувшей революціи, показалъ имъ храбрость духа и свою предприимчивость. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно скромень и патріотъ въ душѣ. Я знаю, что часто его требовали на тайные ихъ переговоры, по большей части къ генералу Пунговскому, который тамъ находится, къ нѣкоторому литовскому поляку Тизенгаузену, и ко многимъ имъ подобнымъ. Почти безпрестанно есть пріѣзжающія на самое короткое время, большею частію красно-россійскія.

(*) Въ донесеніи за іюль 1796 года.

(**) Журналъ князя Прозоровскаго.

(***) Въ письмѣ 1796 года безъ числа.

„Здѣсь защищаютъ явно систему французской республики, утверждая, что она скоро освободитъ ихъ отъ ига.

„Сказываютъ, что въ Молдавіи, какъ то въ Яссахъ, въ Букарестѣ и вообще у тамошнихъ обывателей, съѣхалось множество поляковъ. Извѣстно отъ проѣзжающихъ изъ того края двухъ иностранцевъ, что находящійся тамъ консулъ Северинъ не привязываетъ къ себѣ сердца обывателей и наиболѣе потому, что онъ кичится своимъ званіемъ; притомъ, говорятъ, что онъ чрезмѣрно сребролюбивъ“.

Нѣкто полякъ Могдалинскій отправился въ Берлинъ съ предложеніемъ королю прускому возстановить Польшу и назначить ея королемъ своего сына. Этимъ предложеніемъ поляки думали склонить на свою сторону прускаго короля.

Польскіе эмигранты собирались въ Букарестъ въ сентябрѣ; ихъ насчитывали тамъ до 40 человекъ, жившихъ подъ разными фамиліями.

„Изъ частаго сюда пріѣзда и отъѣзда бродягъ-поляковъ нельзя не подумать, чтобъ они не имѣли въ видѣ какого-нибудь худаго намѣренія; иные думаютъ, что они намѣреваются, съ помощію Франціи и подъ покровительствомъ Порты, учинить революцію въ ихъ отечествѣ. Въ послѣднихъ выгодахъ, одержанныхъ французами на Рейнѣ, надежда ихъ умножается, и ихъ генералъ Домбровскій, называвшійся по сю пору здѣсь *товалатомъ* инженеромъ французскимъ, утверждаетъ, что въ скорости покажутся великія въ Европѣ перемѣны и революція въ Польшѣ. Онъ на сихъ дняхъ былъ у господара, учащаетъ (посѣщенія) къ спатарю Мано и отрывался своему пріятелю, что ежели Порта не объявитъ теперь войны Россіи, то Польша навсегда пропадетъ, и что Порта же принуждена будетъ принимать всегда законы Россіи. Видно, что сей Домбровскій хочетъ учиниться здѣсь начальникомъ надъ бродягами-поляками, и подъ покровительствомъ сего искусства французскаго управляетъ дѣлами своихъ соотчичей. Онъ живетъ съ прочими поляками, прибывшими недавно изъ Яссъ, съ ихъ переводчикомъ армяниномъ въ домѣ г. Менталя, агента французскаго; носятъ всѣ кокарды и пользуются всѣ купно съ другими тремя прибывшими изъ Галиціи, подъ именемъ подданныхъ цесарскихъ, протекціею французскою и милостію сего правительства. Три польскіе офицера, пріѣхавшіе сюда въ прошломъ мѣсяцѣ отъ Галиціи, отправлены симъ же генераломъ въ Константинополь,

а четвертый, инженеръ, отправился тоже въ Константинополь съ однимъ татаринѣмъ господарскимъ. Недавно прибывшіе изъ Ясы поляки называются здѣсь прусскими купцами, но въ существѣ суть офицеры, служившіе при Косцюжкѣ. Въ деньгахъ и кредитѣ не нуждаются, но со всѣмъ тѣмъ продаютъ здѣсь свой экипажъ и лошадей, чтобъ быть полегче въ дорогѣ, ибо имѣютъ слѣдовать въ Константинополь, гдѣ, говорятъ, о жребіи ихъ рѣшено будетъ министромъ Вериниакѣмъ. Говорятъ публично о надеждѣ возстановить ихъ отечество и унижить гордость и насильство Россіи и другихъ державъ, завладѣвшихъ ихъ отечествомъ. Реченный спатарь Мано, купно съ здѣшними французами, разглашаютъ здѣсь тысячи побѣдъ учивенныхъ французами надъ австрійцами, и что большая часть державъ европейскихъ, завидуя союзу между Россіею и Швеціею, не оставитъ, чтобъ не напасть на первую съ соединенными ихъ силами“ (*).

Война Франціи съ Австріею обращала на себя особое вниманіе поляковъ. Они все еще питали надежду, что Франція будетъ содѣйствовать возстановленію ихъ отечества.

„Побѣды французовъ таковы—писалъ князь Прозоровскій генераль-губернатору Тутолмину (**)—что они скоро могутъ быть на границахъ Богеміи, а тутъ несчастливый (для австрійцевъ) бой введетъ ихъ и въ оную, а тогда и въ Галицію путь имъ будетъ открытъ, то нѣтъ сомнѣнія, что Галиція возстанетъ. Посему нельзя полагать настоящее время мирнымъ и надежнымъ спокойствіемъ.... Хотя министерство наше при Портѣ утвердительно надѣется, что турецкій дворъ войны не предприметъ, но кажется она отъ обстоятельствъ зависить и рѣшить оную могутъ далѣе побѣды французовъ надъ австрійцами. Едва ли турецкія приготовления къ войнѣ не съ согласія французовъ чинятся, а посему и мы себя располагать должны.....

„Доходятъ до меня свѣдѣнія — писалъ онъ нѣсколько дней спустя (***)—что развратное положеніе мыслей прежде бывшихъ польскихъ обывателей, шляхетства и католическаго духовенства болшею частію имѣютъ гнѣздо свое въ Галиціи. Въ соотвѣтствіе того, и здѣшнихъ губерній тогожь класу обыва-

(*) Донесеніе вице-консула Кирико князю Прозоровскому изъ Бухареста отъ 8-го августа 1796 года.

(**) Отъ 16-го августа № 143. Исход. журналъ.

(***) Предписаніе генераль-поручику Дунину 18-го августа 1796 года, № 145.

тели болѣе къ такому злонамѣренію себя располагають, противу настоящихъ ихъ нынѣ правительствъ, черезъ секретную переписку и эмисаровъ, чему наиболѣе поводомъ и способомъ ихъ безразсудному намѣренію, развратнымъ ихъ умамъ воображается случившіяся побѣды французовъ надъ австрійскимъ войскомъ“.

Князь Александръ Александровичъ поручалъ каждому отдѣльному начальнику его дивизіи прежде всего соблюдать въ мѣстахъ ихъ расположенія всю воинскую осторожность, а вторыхъ слѣдить за поляками.

„Расположеніе умовъ здѣшняго дворянства конечно извѣстно—замѣчалъ онъ—но интригантовъ таковыхъ, надѣвать на себя разные маски, едва ли есть на свѣтѣ подобная нація“ (*).

По этой причинѣ, контракты, бывшіе во Львовѣ, въ Дубнахъ и въ другихъ мѣстахъ, обращали на себя особенное вниманіе князя Прозоровскаго. Имѣя тамъ своихъ агентовъ, онъ зорко слѣдилъ какъ за собиравшимися туда поляками, такъ и за предметами ихъ совѣщаній. Заботы князя Александра Александровича увеличивались и положеніе его затруднялось тѣмъ, что обо всемъ онъ долженъ былъ доносить главнокомандующему, графу Румянцеву-Задунайскому, и безъ его разрѣшенія не могъ ничего предпринять. Между тѣмъ фельдмаршалъ, слабый здоровьемъ, часто не отвѣчалъ и не давалъ никакихъ разрѣшеній на предложенные ему вопросы. Поселившись въ своемъ имѣніи, графъ Румянцевъ не выѣзжалъ нигуда, и потому начальники подчиненныхъ ему частей, въ случаѣ необходимости личныхъ объясненій, должны были ѣздить къ фельдмаршалу въ его имѣніе Ташань.

Въ ноябрѣ отправился съ такою же цѣлію въ Ташань генералъ Апраксинъ. Онъ засталъ фельдмаршала больнымъ при смерти. 25-го ноября графъ Румянцевъ-Задунайскій жаловался на запоръ и тяжесть въ желудкѣ. Находившійся въ домѣ фельдмаршала дивизионный штабъ-лекаръ Генишъ прописалъ больному нѣсколько порошковъ. Графъ Петръ Александровичъ принялъ одинъ порошокъ, не согласился принять второй, говоря, что, чувствуя себя лучше, не видитъ надобности въ лекарствѣ. Больной, казалось, поправлялся.

4-го декабря, въ семь часовъ утра, фельдмаршалъ всталъ бодрымъ и здоровымъ, выпилъ кофею и сѣлъ за свои обыч-

(*) Отношеніе князя Прозоровскаго Туттолмину 28-го августа, № 156.

ныя занятія. Среди канцелярскихъ дѣлъ, графъ Петръ Александровичъ, въ девять часовъ утра, былъ пораженъ ударомъ, отъ котораго отнялся языкъ и вся правая сторона тѣла. Большой потерялъ память и впалъ въ бредъ; пульсъ его значительно ослабѣлъ. Докторъ Генишъ пробовалъ пустить кровь, но кровопусканіе не подѣйствовало. Парализованныя части тѣла начали тереть фланелью, а на затылокъ поставили мушку, которую больной тотчасъ же сорвалъ, какъ только почувствовалъ ея дѣйствіе. Онъ не соглашался принимать лекарствъ и не слушалъ никакихъ увѣщаній окружающихъ его лицъ.

При фельдмаршалѣ находились: правитель канцеляріи, премьеръ-маіоръ Алексѣевъ, флигель-адъютантъ графа, Ясновскій, и пріѣхавшій случайно въ Ташань генералъ Апраксинъ.

„Въ четвертый день декабря—писалъ послѣдній князю Прозоровскому (*)—въ половинѣ десятаго часу пополудни, имѣлъ я несчастіе увидѣть, съ предстоящими тутъ и другими, фельдмаршала постиженнаго опаснымъ припадкомъ и съ тѣхъ поръ по сей часъ онъ безъ языка, никакой перемѣны къ лучшему не дѣлается, а часъ отъ часу токмо пульсъ будто ослабѣваетъ. Я не потерялъ ни минуты къ созванію врачей, а скоро послѣ первыхъ, взятыхъ мною мѣръ, прибылъ изъ Кіева генералъ-поручикъ Энгельгардтъ. Итакъ, къ чему мы рѣшились, черезъ сутки или болѣе послѣ перваго приключенія и съ предложенія докторовъ, усмотрѣть изволите изъ копій приложенной нашихъ въ Петербургъ донесеній, черезъ возвращеннаго курьера, на коего графъ (Румянцовъ) уже къ графу Николаю Ивановичу (Салтыкову) отвѣчать не успѣлъ. Все ли онъ успѣлъ исполнить, по письмамъ къ нему, или только часть, или было ли высочайшее повелѣніе—миѣ то не извѣстно. Все осталось въ его кабинетѣ, гдѣ, ни я, ни кто изъ здѣшнихъ ничего тронуть не можемъ. Энгельгардтъ сегодня ѣдетъ для того только, что съ полкомъ къ столицѣ имѣетъ повелѣніе тотчасъ выступить. Онъ названъ шефомъ ея императорскаго величества полку, но до отъѣзда его мы написали общее письмо полковнику Бесину (**). Мы сочли сіе нужнымъ, поелику и вашему сіятельству извѣстно, что кромѣ карлы, который не можетъ никакъ за всѣмъ усмотрѣть, графъ окруженъ людьми, еже-

(*) Собственноручное письмо Апраксина безъ числа. Собраніе бумагъ князя Прозоровскаго.

(**) Состоявшему при фельдмаршалѣ около 20 лѣтъ.

дневно смѣнными и усердіемъ коихъ не замѣчался онъ довольнонымъ“.

Апраксинъ тотчасъ же послалъ въ Кіевъ за докторомъ, за комендантомъ Перевдесскимъ, за кіевскимъ губернаторомъ и за княземъ Дашковымъ.

Прибывшій изъ Кіева генераль-штаб-докторъ Мендереръ не нашелъ никакой перемѣны къ лучшему. Графъ Румянцевъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ ничего не ѣлъ и ничего не хотѣлъ принимать. Всѣ предложенія врачей и присутствующихъ отвергалъ съ гнѣвомъ и упорствомъ. „Въ правой рукѣ, въ кисти, пульсъ почти нечувствителенъ — писадъ Мендереръ (*) — въ лѣвой же рукѣ неровенъ, при третьемъ ударѣ останавливается. Животъ напряженъ, грудь заложена мокротою, которая временемъ хотя и откашливается, но не выплевывается, отчего слышно безпрестанное хрипѣніе, которое дыханіе весьма отягощаетъ“.

Умиравшій фельдмаршалъ знаками просилъ оставить его въ покоѣ.

Весь слѣдующій день больной былъ безъ памяти, такъ что выздоровленіе его становилось весьма сомнительнымъ. Апраксинъ спрашивалъ князя Прозоровскаго, какъ старшаго генерала въ войскахъ, что ему дѣлать? „Долго ли мнѣ здѣсь быть, кого по себѣ оставить, поелику полковникъ Бесинъ и майоръ Алексѣевъ отчаянно плачутъ и ничего дѣлать почти не въ состояніи, и на случай лучшаго, а Боже сохрани худшаго, какія мѣры мнѣ брать?“

Собравшись вокругъ больного, врачи употребляли всѣ усилія, чтобы привести его въ чувство. Сопротивленія больного теперь бояться было нечего.

„Хотя мы—сказано въ актѣ (**)—по бездѣйствию системы нервовъ, къ сожалѣнію, и могли уже предвидѣть, что всѣ наши старанія останутся тщетными, однако же съ общаго согласія, опредѣлили мы, по бытности еще немногихъ жизненныхъ силъ, предпринять слѣдующіе опыты къ спасенію сего великаго мужа. Далъ мы ему сильный пріемъ разводительной рвотной винной соли и при томъ поставили клистиръ изъ уксусу, рвотной винной соли и нашатырнаго спирту. А какъ и сіе не

(*) Актъ составленный 5-го декабря и отправленный Мендереромъ въ С.-Петербургъ. Бумага князя Прозоровскаго.

(**) Актъ составленный 7-го числа и подписанный генераль-штаб-докторомъ Мендереромъ, докторами Дольдмайеромъ, Янышекъ, Рихтеромъ и Бендаревскимъ.

произвело дѣйствія и перемѣны въ больномъ, то дали мы еще сильнѣйшій пріемъ рвотной соли и при томъ въ верхней части гортани щекотали перомъ. Напослѣдокъ, чтобы пособить и привести опять въ дѣйствіе кишки, избрали мы еще клистиръ изъ табачнаго дыму, а какъ и симъ не достигли нашего предмета, то дали и декоктъ изъ табаку, но и сіе не имѣло желаннаго дѣйствія, чего ради прибѣгнули мы къ клистиру изъ купоросной нефти съ холодною водою и наложили шпанскую муху на весь животъ. Но всѣ наши старанія не могли спасти отъ смерти больного, которая и воспослѣдовала покойнѣйшимъ образомъ 8-го числа (декабря), по утру, въ 9 часовъ и 45 минутъ“.

VIII.

Послѣ смерти графа Румянцева-Задунайскаго, князь Александръ Александровичъ принялъ, какъ старшій, команду надъ войсками. Ожидая назначенія преемника фельдмаршалу, князь Прозоровскій совершенно неожиданно получилъ высочайшій указъ, отъ 20-го января 1797 года, которымъ онъ былъ отставленъ отъ службы.

Военная дѣятельность князя Александра Александровича прекратилась, впрочемъ, не надолго. Въ 1801 году ему пожалованъ сначала военный мундиръ, а 24-го іюня, того же года, онъ опредѣленъ членомъ въ военную комисію и по высочайшему повелѣнію внесенъ въ армейскій списокъ „въ дѣйствительное опять служеніе при войскахъ, съ прежнимъ по настоящему чину старшинствомъ“. 4-го ноября 1802 года онъ снова вышелъ въ отставку, но, соскучившись бездѣйствіемъ, вскорѣ опять поступилъ на службу, и былъ назначенъ начальникомъ милиціи южныхъ губерній.

Въ то время открылись военныя дѣйствія Россіи съ Франціей, и вслѣдъ затѣмъ объявлена война и Турціи. Генераль Микельсонъ назначенъ былъ главнокомандующимъ войсками предназначенными для дѣйствія противъ турокъ.

Прозоровскій жилъ въ это время въ Умани, а семейство его въ Петербургѣ. Среди служебныхъ занятій князь Александръ Александровичъ интересовался какъ политическими событіями, такъ и успѣхами нашего оружія противъ французовъ и турокъ. О первыхъ двухъ писала ему супруга, а о послѣднихъ близкія ему лица, находившіяся въ арміи Микельсона.

Свѣдѣнія, доставлявшіяся князю Александру Александровичу съ двухъ противоположныхъ концовъ, не лишены живаго интереса и въ настоящее время. Они хорошо рисуютъ въ некоторыхъ мѣстахъ, описываютъ многія событiя съ такой стороны, которую нельзя найти въ официальныхъ донесенiяхъ. На этомъ основанiи мы приведемъ выдержки изъ болѣе интересныхъ, и начнемъ съ писемъ его супруги.

С.-Петербургъ, 24-го января 1807 года.

„Третьяго дня мы получили прiятныя извѣстiя изъ армiи (дѣйствовавшей противъ французовъ): они могли бы быть весьма важными, но виноватъ генераль Марковъ, что не таковы. Однако все хорошо; я все расскажу подробно.

„Я, кажется, къ тебѣ писала, что генераль Бенигсенъ перерѣзалъ дорогу у Бернадота въ Кенигсбергъ. Тогда Бернадотъ зачалъ ретироваться, а наши преслѣдовать. Бенигсенъ сдѣлалъ диспозицію, раздѣлялъ армiю на корпусъ, подъ командою всякой одного генераль-поручика, въ томъ числѣ и Маркова. Приказано было командирамъ корпусовъ, что первый, который найдетъ на корпусъ французовъ, его завять и дать звать всѣмъ другимъ. Первый нашелъ на французовъ Марковъ съ 5,000, не исполнилъ приказанiя, никому не далъ знать и атаковалъ французовъ, коихъ было до 20,000 подъ предводительствомъ Бернадота. Онъ былъ бы опрокинутъ, но ближайшiй нашъ корпусъ, подъ командою генерала Анрепа, услышавъ пальбу, пошелъ на сикурсъ съ 6,000 кавалерiи; разбили французовъ, до полутора тысячи ихъ побили, взяли въ плѣнъ тысячу, 22 офицера, весь экипажъ Бернадотовъ, карету его съ камердинеромъ, гдѣ были всѣ его бумаги, множество лошадей и три боченна съ золотомъ. Онъ (Бернадотъ) ушелъ съ остальными оттого, что Марковъ не исполнилъ приказанiя, а если бы въ точности исполнилъ, ни одинъ бы не спасся. Тѣмъ только неудовольственно кончилось, что, по окончанiи сраженiя и прогнавши непрiятеля, поѣхалъ Анрепъ рекогносцировать. Одинъ егеръ французскiй, спрятавшись подъ кустомъ, выстрѣлилъ по немъ и убилъ на повалъ: пуля попала въ високъ. Жаль! его хвалятъ; сказываютъ, служивый генераль былъ. Наши солдаты такъ ожесточились, что немилосердно французовъ убиваютъ, что безчеловѣчно; да сверхъ того отчаянность заставляетъ ихъ обороняться. Чтобы прекратить сiе, Бенигсенъ общалъ по червонцу за каждаго плѣнника, и съ тѣхъ поръ намъ сдаются.

„Сназываютъ, Бонапарте писалъ въ Парижъ qu'il a pris les cartels: это для того, что les bulletins ему нынѣ не авантажъ; онъ мастеръ лгать. Объ 14 дѣля его bulletin былъ, que les Russes le voyant en force se sont retirés. Этому далъ поводъ Каменскій, принявшій опять команду: велѣлъ послѣ баталіи Бенигсену на тридцать верстъ отступить. Этотъ сумазбродный человекъ (графъ Каменскій) живетъ, Богъ знаетъ для чего, въ Гроднѣ; онъ отставленъ. Хвастовствомъ своимъ и ложью Бонапарте взбѣсилъ турокъ. Надѣюсь на милость Божию, когда дойдетъ до нихъ правда, узнаютъ о нашихъ успѣхахъ, то они смирятся. Въ Вѣнѣ французы распустили (слухъ), что Бонапарте насъ побилъ и вступилъ въ границы, и до тѣхъ поръ слухъ сей продолжался, пока нашъ посолъ объявилъ офиціально министерству австрійскому о побѣдѣ.“

С.-Петербургъ, 26-го января 1807 года.

„Я къ тебѣ, мой другъ, писала на прошедшей почтѣ объ авантажѣ, который мы имѣли надъ Бернадотомъ; оному есть перечневая реляція, равно какъ и подробная всѣмъ прежнимъ припечатана къ „Петербургскимъ Газетамъ“. Тамъ ты все увидишь; но вотъ чего въ газетахъ нѣтъ, а извѣстно, что вся армія Бернадотова окружена нашими войсками, а позади французовъ Висла, по которой идетъ сильной ледъ и всѣ мосты сорвало. Французская армія весьма изнурена; нуждается въ пропитаніи; они въ пустыхъ мѣстахъ; привозили все изъ-за Вислы, а теперь этому препятствуетъ ледъ. Они какъ въ заднюю попались. Надо ждать важнаго происшествія. Вчера уже въ городѣ сказывали, что будто армія французская капитулировала, но эти слухи неосновательны, какъ курьера изъ арміи не было, а надо надѣяться на милость Божию, что гласъ народа гласъ Божій. Я надѣюсь на сей же почтѣ сказать тебѣ что-нибудь еще, какъ письмо это пойдетъ послѣ завтра, а я для того теперь пишу, что завтра воскресенье, въ обѣдни надо ѣхать тоже, а въ понедѣльникъ день рожденія великаго князя Михаила Павловича, то неудастся много писать. Еще забыла сказать: слышала вчера отъ барона Будберга, что считаютъ Бернадота въ послѣднемъ сраженіи раненымъ, потому что его видѣли везущаго въ тележкѣ мужиками. Если правда, то это поможетъ французамъ сдаться на капитуляцію. Бонапарте, какъ выѣхалъ изъ Варшавы, говорилъ qu'il allait détruire l'armée Russe, que le 17 il retournera à Varsovie pour organiser la

Pologne et qu'il ira passer les fêtes de Noël à Petersbourg, а вмѣсто того тихоконьно ночью возвратился въ Варшаву, такъ что никто не зналъ. Три дня запершись сидѣлъ, никто его не видѣлъ, кромѣ камердинера его, или любимца его одного мамелюка, который отъ него безотлученъ. Онъ однажды его снасъ, и съ тѣхъ поръ Бонапарте къ нему одному имѣть довѣренность.

С.-Петербургъ, 11-го сентября 1807 года.

.... „Теперь стану тебя увѣдомлять о здѣшнихъ извѣстіяхъ. Гвардія выступаетъ въ походъ въ концѣ нынѣшней недѣли; потомъ, сказываютъ, государь и великій князь изволятъ поѣхать. Это послѣднія городскія извѣстія: не знаю справедливы ли?

„Послѣ большой баталіи, Платовъ преслѣдовавши разбилъ нѣсколько баталіоновъ, взялъ въ плѣнъ до 200 чедовѣкъ и знамя. Это точно вѣрно, что Бонапарте послѣ пултуской баталіи все былъ въ Варшавѣ. Возвратясь въ оную, три дня былъ въ заперти, никому не показывался, занимался дѣланіемъ русскихъ знаменъ, коихъ до 40 сдѣлалъ и послалъ въ Парижъ, будто бы взяты въ пултускую баталію. Фальшивую реляцію сдѣлалъ, которая въ Вѣнѣ ходила, а потомъ какъ наша (реляція) стала извѣстна въ Вѣнѣ, онъ требовалъ, чтобы въ газетахъ его напечатать. Удивительное подобострастіе австрійскаго кабинета, ибо они его послушали, что все точная правда. Теперь армія наша въ 15 верстахъ отъ Кенигсберга, а французская отъ нашей въ 30 верстахъ. Бонапарте при своей арміи; сказываютъ, у французовъ великой недостатокъ въ провіантѣ, питаются картофелемъ. Что-то онъ скажетъ объ этой баталіи? кажется, мудроно сказать, что онъ выигралъ; однако ему должъ ничего не стоить. Послѣ взятія Платова, сказываютъ, что онъ плакалъ de rage послѣ сей послѣдней баталіи и чуть фельдмаршала Нея не закололъ.

С.-Петербургъ, 18-го марта 1807 года.

.... „Третьяго дня въ 12 часу государь изволилъ предпринять путь свой, по обыкновенію отслуживъ молебенъ въ Казанской церкви. Государыня императрица и великая княжна очень оскорблены этимъ отъѣздомъ; три дня не было стола у государыни, но я вчера имѣла счастье ее видѣть: была во дворцѣ у обѣдни, и въ антресоляхъ слушала оную. Государыня даже похудѣла. Сегодня приехала сказывать, что столъ будетъ, и

я поѣду. Вчера было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о благополучномъ путешествіи государя во дворцовой и во всѣхъ церквахъ, тоже и молитва на эктениі прибавлена о благополучномъ путешествіи. Государь поѣхалъ въ открытыхъ саняхъ съ Толстымъ; въ другихъ саняхъ два фельдъегера; въ третьихъ Новосильцевъ съ Ливеномъ. День несносный былъ, суббота, слякоть и снѣгъ. Государю безпокойно было ѣхать въ открытыхъ саняхъ; вчера и сегодня погода хороша. Завтра ѣдутъ Строгомовъ, Волконскій и прочая свита государева. Императрица-мать не изволить ѣхать въ Павловское и объ императрицы будутъ жить въ Таврическомъ дворцѣ.

„Объ арміи здѣсь слухи, что Бернадотъ и Ней переправились черезъ Вислу: Данцигъ идутъ брать, въ коемъ прусскаго гарнизону 15,000, да изъ нашей арміи посланъ генераль-маіоръ князь Щербатовъ съ тремя полками. Теперь Бонапарте остался слабѣе нашей арміи послѣ сего отряда; но гдѣ онъ теперь, сказываютъ, весьма крѣпкое мѣсто по натурѣ земли: озера, болота, да и онъ укрѣпился очень. Помогите намъ, Господи; всѣ упованія наши на милость Божию.

С.-Петербургъ, 21-го марта 1807 года.

.... „Весьма, мой другъ, сожалѣю, что не помощника имѣешь въ графѣ Самойловѣ, а вмѣсто того онъ тебя отягощаетъ. Ну, да что же дѣлать: умѣе не будетъ. Отсюда, мой другъ, достойнаго примѣчанія не имѣю ничего сказать. Съ тѣхъ поръ какъ государь изволилъ уѣхать, ничего объ арміи не слышали, и Его Величество продолжаетъ свой путь благополучно. Черезъ день императрица имѣетъ извѣстія; вчера считали, что государь былъ въ Мемелѣ; изволить писать, что дорога была хороша, удивительная погода стоитъ! Почти конецъ марта, а погода какъ средь зимы: вымещаетъ, что съ начала зимы легка была. О Поповѣ говорятъ, что ему приказано прямо ѣхать въ армію къ государю, и публика говоритъ, что онъ будетъ военный секретарь при государѣ....“

Успѣхи нашего оружія въ войнѣ съ французами крайне интересовали тогдашнее образованное общество, которое не замѣчало событій происходившихъ въ турецкихъ владѣніяхъ.

„По вѣрному мнѣ свидѣнію — писалъ изъ Каменца Владиміръ Чевкинъ (*). — Данцигъ сданъ на капитуляцію. Войска россійскія при князѣ Щербатовѣ, тоже и прусскія, выпущены

(*) Князю Прозоровскому отъ 10-го іюня 1807 года.

изъ города на паролъ: не служить годъ противъ французовъ и ихъ союзниковъ. Пилау укрѣпляютъ наши и откомандированный дѣташментъ, при генераль-лейтенантѣ Каменскомъ, въ 8,000 для отбитія осаждающихъ Данцигъ французовъ, съ которыми онъ имѣлъ и дѣло довольно жаркое и удачное, но все потерялъ тамъ 1,400 человекъ и до 50 офицеровъ. Отретировался онъ въ Пилау, гдѣ и теперь находится. По 24-е мая въ главной арміи ничего важнаго не было. Государь Императоръ въ мѣстечкѣ Тильзитѣ. Король прускій съ фамилією въ Кенигсбергѣ, но вскорѣ ожидали выѣзду его въ Мемель. Сіе увѣдомленіе отъ 24-го мая имѣю я изъ Гродно. Корпусъ бывшій Эссена и потомъ Тучкова, по болѣзни послѣдняго, отданъ П. А. Толстому. Г. Кворингъ живетъ въ своей деревнѣ, и яко бы боленъ, а обозъ съ его адъютантомъ здѣсь въ Каменцѣ. Къ свѣдѣнію вашего сіятельства обо всемъ докладываю, а о дѣлѣ генераль-лейтенанта Милорадовича близъ Букареста, надѣюсь, изволили имѣть свѣдѣнія отъ Ивана Ивановича (Михельсона)⁴.

Первыя движенія турокъ за Дунаемъ обратили на себя вниманіе Милорадовича. Для спасенія Букареста онъ самъ выступилъ противъ непріятеля, разбилъ Али-пашу при дер. Обилешты, встрѣтился съ войсками Мустафы-Байрактара, шедшаго изъ Журжи къ Букаресту, вступилъ съ нимъ въ перестрѣлку при деревнѣ Сентешти и заставилъ турецкія войска отступить опять къ Журжѣ. Этотъ первый успѣхъ русскаго оружія былъ остановленъ тильзитскимъ миромъ, заключеннымъ между Россією и Францією. Въ числѣ статей мирнаго договора постановлено прекратить военныя дѣйствія Россіи съ Турцією. Въ Слободзѣ открыты переговоры, среди которыхъ главнокомандующій Михельсонъ заботѣлъ и не могъ принимать никакого участія въ заключеніи перемирія съ турками.

„Ваше сіятельство истинный патриотъ, а ко мнѣ благодѣтель“—писалъ Апраксинъ князю Прозоровскому (*).—„Испрашиваю вашего наставленія. Главнокомандующій въ арміи при послѣднемъ издыханіи; адъютантъ ко мнѣ сейчасъ пріѣхалъ и никакого отвѣта не могъ ко мнѣ подписать. Адъютанта же моего никто, а паче Милорадовичъ, ко мнѣ отправить съ самъ не хотѣлъ, и Мейндорфу знать не дають, а словесно, ближайшіе къ Михельсону, вызываютъ меня къ командованію армією. Если бы войска дрались, стыдно бы было не рѣшиться туда

(*) Отъ 18-го августа изъ Могилева.

ѣхать, хотя бы тѣмъ можеть быть и не угодила бы въ Петербургъ. Но теперь Лешкаревъ (которому поручено было вести переговоры о заключеніи перемирія) прислалъ къ подписанію Михельсона такіе пункты перемирія, гдѣ изъ первыхъ (условій) отвести войска обоюдно изъ Молдавіи, то какъ сіе мнѣ подписать! никогда не сдѣлаю (этого), не выдавъ повелѣнія государя. Да если бы оное и нашель, то огорчился бы много. Лешкаревъ самъ бодѣвъ, доктора просить изъ стана турокъ, кои между тѣмъ не изъ крѣпостей, но изъ полевыхъ своихъ позицій пошли за Дунай. Если скончается Михельсонъ, молва бранить меня будетъ, что я не принялъ команды, но отказался отъ оной, когда судьба, а не назначеніе ее даетъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ тотчасъ пункты перемирія, а не военныя движенія подписывать, не должно, кажется, быть предосудительно для меня. Я, подъ видомъ любопытства Каменецъ посмотрѣть, просилъ Николая Федоровича Ртищева съѣздить къ вамъ и обо всемъ съ вашимъ сіятельствомъ тоюмо поговорить. По моему мнѣнію, все, что я отъ васъ самихъ слышалъ объ арміи, и что уже по сношеніямъ самъ вижу, принадлежитъ начальнику старѣе и достойнѣе насъ съ Мейндорфомъ. Движеніе нѣкоторое началось уже и у насъ, т. е. что отъ разныхъ корпусовъ большыя всѣ отправлены въ Яссы и что росписаніе Михельсонъ будто сдѣлалъ и объявилъ свою квартиру въ Тульчинѣ, мнѣ въ Гунаѣ и прочихъ по способностямъ. Ришелье ко мнѣ сегодня пишетъ, что считаетъ дѣло совсѣмъ конченнымъ и что непременно войска наши выйти изъ Молдавіи должны. Сіе такъ по моему мнѣнію сожалительно, что еще и теперь вѣры не даю, но желалъ бы не быть, если нужно и частнымъ исполнителемъ сего отступленія.“

Хотя Апраксинъ и не вѣрилъ ходившимъ слухамъ, но на дѣлѣ они оказались справедливыми. Слободзейское перемиріе, заключенное 12-го августа, постановляло главнымъ условіемъ очищеніе, въ теченіе 35 дней, Молдавіи и Валахіи, а также всѣхъ провинцій, крѣпостей и другихъ мѣстъ занятыхъ русскими войсками въ настоящую войну. Турки обѣщали сдѣлать тоже относительно вывода своихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи и переправиться за Дунай. Они оставляли въ крѣпостяхъ Измаилъ, Браиловъ и Журжѣ только гарнизоны необходимые для обороны этихъ пунктовъ. Россія обязывалась возвратить Портъ взятая ею въ продолженіе войны турец-

кіе корабли и, въ случаѣ неудачи въ переговорахъ о мирѣ, не прекращать перемирія и не начинать военныхъ дѣйствій ранѣе 21-го марта 1808 года, т. е. наступленія весны.

Подписанное обоими уполномоченными перемиріе отправлено было на утверженіе Михельсона. Оно прибыло въ главную квартиру тогда, когда главнокомандующаго не было уже въ живыхъ. 5-го августа 1807 года Михельсонъ скончался. Оставшійся старшимъ генералъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ былъ въ Могилевѣ и не ѣхалъ въ главную квартиру. Мы видѣли причины, по которымъ онъ не хотѣлъ принять командованія арміею, безъ особаго назначенія. Генералъ Мейендорфъ, считая себя старшимъ въ дѣйствующихъ войскахъ и не ожидая ничего приглашенія, изъ лагеря при Измаилѣ объявилъ, что вступаетъ въ командованіе арміею. Въ оправданіе своего поступка онъ отговаривался тѣмъ, что не зналъ о пребываніи Апраксина въ Могилевѣ.

„Мнѣ бы весьма прискорбно было — писалъ Мейендорфъ Апраксину (*)— ежели я черезъ поступокъ свой принятіемъ командованія войскъ, по смерти Ивана Ивановича Михельсона, причинилъ разрывъ существовавшей между нами дружбы, что мнѣ тѣмъ бы чувствительнѣе было потому, что я истинно, до прибытія моего въ Бухарестъ, не былъ о пребываніи вашемъ извѣстенъ, а потому и рапортовалъ о вступленіи въ командование войскъ, прямо изъ лагеря при Измаилѣ, государю императору. По каковымъ обстоятельствамъ и надѣюсь, что вы, милостивый государь мой, поступокъ сей извините. Я получилъ изъ Петербурга извѣстіе, что вы посломъ въ Константинополь назначены. Слышно также, что войска наши всѣ на французскій манеръ образованы будутъ, такъ и въ мундирахъ переиѣна произойдетъ, а государь императоръ сего мѣсяца 18-го числа изъ Петербурга въ Витебскъ отправится^а.”

Прибывъ въ Бухарестъ, и не имѣя полномочія, Мейендорфъ воспользовался полномочіемъ, даннымъ на имя покойнаго Михельсона, и найдя статьи перемирія сообразными съ высочайшею волею ратификовалъ ихъ. Вслѣдъ за ратификаціею онъ приказалъ войскамъ начать отступленіе.

Императоръ Александръ, получивъ извѣстіе о смерти Михельсона, назначилъ на его мѣсто князя Прозоровскаго, пожаловавъ его фельдмаршаломъ. Въ это время пришло въ Петербургъ

(*) Отъ 5-го сентября 1807 года, Бухарестъ. Бумаги князя Прозоровскаго.

извѣстіе, что Мейндорфъ ратификовалъ перемиріе. Императоръ остался крайне недоволенъ этимъ поступкомъ, приказалъ остановить отступленіе войскъ и ожидать прибытія князя Александра Александровича.

„Съ тѣми же чувствами непоколебимой моей къ вашему сіятельству приверженности—писалъ Апраксинъ князю Прозоровскому (*)—кои вамъ извѣстны, получилъ я сейчасъ письмо ваше съ посланнымъ отъ меня. О г. Мейндорфъ донесу вамъ, что онъ также хитритъ со мною какъ и съ вами. Такое же отношеніе и ко мнѣ сдѣлалъ, что онъ долженъ былъ остановить войска будто самъ собою, но того не вѣдаетъ, что молдаване со мною видно искреннѣе нежели съ нимъ и доставили мнѣ свѣдѣніе, кои я къ вамъ препроводилъ, что войска остановлены по высочайшему повелѣнію. Сверхъ того доложу вамъ, что онъ, чтобъ удалить насъ отъ скорого свѣдѣнія тамошнихъ обстоятельствъ, перемѣнилъ военную почту покойнымъ учрежденную черезъ Яссы на Могилевъ, а писалъ въ здѣшній почтамтъ, что прямо она будетъ ходить на Дубосары. Но онъ, думаю, ошибается: я и безъ сей почты буду знать, что у него дѣлается. Изъ любопытства посылаю вамъ копію съ другаго его письма, гдѣ отправляетъ меня съ большою ласкою, какъ усмотрите изъ сихъ строкъ его, въ Цареградъ, но никто о семъ ко мнѣ не пишетъ. Думаю вздоръ. но съ другой стороны возможно по нижеслѣдующей причинѣ. Покойный (Михельсонъ), по словамъ сына его, точно давно просился въ отставку, а Мейндорфъ домогался арміи. Онъ въ короткой перепискѣ съ Ливеномъ, а Будбергова сынъ у него адъютантомъ и очень его ласкаетъ. Я тутъ пришелся старшимъ для него не кстати, то, подъ предлогомъ посольства, меня и удаляютъ, а пословъ по обыкновенію долго отправляютъ. Я всегда усердствовалъ и усердствую служить; впрочемъ какъ будетъ угодно, буду умѣть жить и въ покой.

„На счетъ богатства якобы оставленнаго Михельсономъ, оное состоитъ въ 3,500 червоннымъ и 4,000 асигнаціями. Семь тысячъ рублей далъ онъ взаймы въ Бухарестъ Милорадовичу и тысячу сыну Гурко, да 11,000 руб. стали похороны, что есть истинная правда, которую знаю отъ офицера, что сіи деньги отъ племянника его, Воинова, везетъ къ женѣ покойнаго.“

(*) Отъ 12-го сентября 1807 года. Бумаги князя Прозоровскаго.

Прибывъ въ главную квартиру арміи, Прозоровскій имѣлъ порученіе убѣдить Порту, что Мейендорфъ не имѣлъ никакого права ратифицировать перемирія, и тѣмъ остановить отступленіе нашихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи.

Императоръ Александръ, въ началѣ 1808 года, хотя и писалъ офиціально Прозоровскому, что надѣется на скорое заключеніе мира, но на самомъ дѣлѣ правительство было другаго мнѣнія.

„Вы изволите получить съ симъ письмомъ—писалъ графъ Аракчеевъ князю Прозоровскому (*)—отъ государя рескриптъ; въ коемъ онъ изводитъ начинать, что не сомнѣвается ни мало въ успѣхахъ въ переговорахъ мирныхъ съ Оттоманскою Портою, то оное написано для того, дабы закрыть отъ тѣхъ людей, которымъ не должно знать наши намѣренія противу Порты. Дѣйствія арміи вашей въ нынѣшнемъ лѣтѣ противу Порты должны быть въ полной силѣ, о чемъ вы будете извѣщены по иностранному министерству нашему“.

Князь Прозоровскій между тѣмъ получилъ приглашеніе Мустафа-паши о скорѣйшемъ заключеніи мира. Склонность турецкаго правительства къ миру происходила отъ холодности Наполеона, тревожившей Порту. Видя тѣсный союзъ между Россією и Францією, Турція боялась подвергнуть себя одновременно войнѣ съ двумя державами, и потому желала мира.

Весь 1808 годъ прошелъ такимъ образомъ въ переговорахъ, не приведшихъ впрочемъ ни къ какому положительному соглашенію (**).

22-го марта 1809 года русская армія, приказомъ главнокомандующаго, была извѣщена объ открытіи вновь военныхъ дѣйствій съ турками. Желая нанести рѣшительный ударъ Турціи, императоръ вмѣнилъ въ обязанность князя Прозоровскаго „быстрый переходъ за Дунай и рѣшительныя тамъ дѣйствія, какъ единственное средство принудить султана къ миру“, долженствовавшему имѣть своимъ послѣдствіемъ уступку Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи.

Князь Александръ Александровичъ предполагалъ, въ предстоящіи дѣйствія, прежде всего овладѣть Браиловымъ, потомъ

(*) Собственноручное письмо графа Аракчеева отъ 8-го марта 1808 года.

(**) Подробности переговоровъ и о дѣятельности князя Прозоровскаго въ это время см. Военный Сборникъ 1864 года.

занять Тульчу, принудить Измаиль къ сдачѣ и, очистивъ свой тылъ, перейти за Дунай.

Главнокомандующій между тѣмъ видимо ослабѣвалъ. Шестидесять семь дѣтъ непрерывной боевой и гражданской дѣятельности разстроили физическое здоровье фельдмаршала. Чувствуя скорое приближеніе кончины, онъ, по рассказамъ современниковъ, торопился самъ исполнить волю императора, и говоритъ, что желаетъ только одного — умереть за Дунаемъ. Престарѣлому воину и маститому старцу, на закатѣ дней, не пришлось осуществить своихъ желаній. Предводимая имъ армія не успѣла переправиться при жизни фельдмаршала.

Въ пять часовъ пополудни 9-го августа 1809 года князь Александръ Александровичъ скончался въ лагерѣ при устьѣ Мачинскаго гирла. Кончина его не сопровождалась никакими болѣзненными припадками: онъ, можно сказать, просто угасъ.

Князь Александръ Александровичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, на пути своей служебной дѣятельности, встрѣчаютъ часто затрудненія, испытываютъ незаслуженныя огорченія и неудовольствія, но, несмотря на все это, добросовѣстнымъ исполненіемъ своего долга, сознаниемъ своей обязанности, уничтожаютъ своихъ противниковъ и постепенно достигаютъ высшей государственной дѣятельности.

Человѣкъ весьма разносторонне образованный, князь Прозоровскій былъ однимъ изъ лучшихъ дѣятелей царствованія императрицы Екатерины.

Командуя войсками и занимая гражданскія должности, князь Александръ Александровичъ приобрѣлъ опытность въ разрѣшеніи трудныхъ и сложныхъ государственныхъ вопросовъ. Онъ представилъ свой проектъ о преобразованіи и управленіи Запорожскаго войска. Хотя текста этого проекта мы и не имѣли въ своихъ рукахъ, но изъ писемъ и бумагъ князя Прозоровскаго видно, что онъ былъ приведенъ въ исполненіе.

* * *